

Книги серии
«На крыльях Надежды»:

«ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ»

«КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАСЛЕДСТВА»

«В ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ТРЕБУЕТСЯ»

«ТЫ ЖЕ ВЕДЬМА!»

«У ВОЛШЕБСТВА ЗАПАХ КОРИЦЫ»

«АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ ВЛАСТЕЛИНОВ»

НАДЕЖДА
МАМАЕВА

**У ВОЛШЕБСТВА
ЗАПАХ КОРИЦЫ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
М22

Мамаева, Н.

М22 У волшебства запах корицы / Н. Мамаева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 308 с.: ил. — (На крыльях Надежды).

ISBN 978-5-521-91774-7

Каждый чародей знает: драконы на дух не переносят демонов, демоны терпеть не могут эльфов, эльфы презируют гномов. А люди... Люди виртуозно этим пользуются. Один император — так точно! Заверяя грозных соседей — крылатых сынов неба — в своей дружбе, Его Величество предлагает другим — выходцам Бездны — вечный мир. А тем временем в его дворце гремит свадебный пир, на котором убивают верховного магистра. И все бы ничего, если бы в гуще этих политических интриг не оказалась одна попаданка.

Ее-то, выпавшую из окна, за миг до смерти утянул из нашего мира прямиком в лабораторию придворного алхимика один ну очень предприимчивый таракан. А все затем, дабы подменить на час дочь чародея на торжестве, на которое истинная Кассандриола не могла явиться по причине весьма прозаической — она была при смерти.

Вот только «час в ином мире» превратился в девять дней. Девять сумасшедших дней, которые и описаны в сим дневнике невольной попаданки.

BIC FM
BISAC FIC009000

© Надежда Мамаева, текст, 2020
© Вероника Акулич,
Светлана Сорокина, иллюстрации, 2020
© Юлия Таланова, дизайн обложки, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-91774-7

*13.02.2021 по римскому календарю
16 травня 9785 года по веремскому летоисчислению*

Здравствуй, дорогой дневник! Ни разу в жизни не вела личных записей, а вот сегодня поняла — накопилось, и если не выскажу всего, не человеку, а хотя бы бумаге, то не выдержу. Поэтому-то сейчас и строчу гусиным пером, царапая пергамент, хотя еще пару дней назад держала в руках шариковую ручку. Но обо всем по порядку.

** * **

День первый

Практикумы по аналитической химии, которые вел Лихославский, всегда проходили в тишине. Не потому, что предмет был скучен, вовсе нет. Скорее, наоборот: звучный голос молодого обаятельного аспиранта, объясняющий основы качественного анализа, увлекал, затягивал. Сложные уравнения, в которых перечисление реагентов порою занимало не одну строчку, при разборе из его уст оказывались просты и понятны как дважды два. Доска, испещренная формулами и условиями проведения реакций, скрип шариковых ручек, стрельба глазами в сторону симпатичного аспиранта — атмосфера практикумов была на удивление располагающей. На занятиях Лихославского, проходивших, к слову, с восьми утра, не было опоздавших и не пришедших. Наоборот, девичья часть группы являлась вовремя и при полном параде. Студенток не пугали зимние морозы — мини-юбки и декольте правили модным балом, а лабораторные халатики были до неприличия коротки и всегда распахнуты, попирая тем самым все требования безопасности.

Я не любила быть на глазах у преподавателей, но и галерка не прельщала: половину не услышишь, поэтому обычно седи-

лась за средними столами. В тот день за окном кружила метель, и мороз рисовал на стекле замысловатые узоры. Пушистые сугробы, что намела заботливая хозяйка-зима, были в половину человеческого роста.

Лабораторный практикум закончился, и студенческая братия в едином порыве рванула со своих мест, не снимая халатов. Большая перемена — успеть бы в буфет очередь занять, пока народ не набежал. Я слегка замешкалась. В новую сумочку, доверху набитую, никак не хотела влезать толстая тетрадь. Впрочем, сегодня многое, помимо сумочки, было новым: прическа, макияж, одежда. Накануне мы с подружкой в преддверии четырнадцатого февраля решили поменять мне имидж. А что? Если валентинкой порадовать некому, можно и самой себе подарок организовать, вот такой, необычный.

Утром, правда, чуть было не пожалела о принятом накануне решении: непривычно было видеть себя огненно-рыжей и с ярким макияжем. Короткое легкомысленное платьице. Не умею носить такие, но Ангела настояла: «Надень, ты в нем просто супер!» Оно довершило образ барышни, ждущей с нетерпением весны. И вот я, вся такая «супер», сейчас страдала от результатов персонального «ребрендинга», на который, между прочим, ушли все мои скромные сбережения.

Жертвой противостояния логики (невозможно впихнуть не влезающее) и моего упорства стала злополучная сумочка — у нее просто оторвалась ручка. Как оказалось, китайские «Дольче Габбаны» держатся буквально на одном стежке. Содержимое тут же разлетелось по полу. Я начала быстро собирать упавшее и, посмотрев вверх, поймала взгляд преподавателя, обращенный на меня.

Непроницаемая маска безразличия. Мужчина наблюдал за мной без каких-либо эмоций: ни раздражения, ни нетерпения, ни сочувствия. Вообще ничего. Даже на миг показалось, что все очарование аспиранта, завораживающее девушек на лекциях, какое-то нереальное, искусственное и сейчас передо мной настоящий Лихославский: расчетливый и циничный. Но это был только миг.

Аспирант побарабанил пальцами по столешнице и вновь глянул в мою сторону. Когда он заговорил, его голос был тихим, напоминающим дуновение ветра, шорох осенних листьев:

— Вам никто не говорил, что вы сегодня по-весеннему красивы... — Мягкая, обезоруживающая улыбка, и только для меня. Это насторожило.

Зажимая стопку собранных тетрадей перед собой, поднялась, поправляя юбку, которая в этот момент по ощущениям была вопиюще короткой. Мужчина меж тем решительно подошел к двери кабинета и запер ее, убрав ключ в карман. Мне это совсем не понравилось, и я неосознанно начала пятиться.

Лихославский обернулся. Его обаяния как не бывало. Безумные глаза, непроизвольно сжимающиеся руки, губы, которые он постоянно облизывал.

В голове мысли мелькали калейдоскопом: Янка, бывшая одноклассница. Яркая южной красотой, эффектная, в октябре она как-то разом увяла, замкнулась в себе, а потом и вовсе перевелась на заочное отделение. А она ведь тоже была без ума от этого Лихославского. Сообщение о пропавшей в декабре студентке с первого курса. Ее так и не нашли.

В несколько шагов аспирант приблизился и резко схватил за плечи. Рывок в сторону оказался для меня полной неожиданностью. Лихославский буквально запихнул меня в узкий простенок между шкафом и вытяжкой.

— Ну же, будь хорошей девочкой, не упрямься. Я же знаю, ты специально для меня так оделась, и осталась наедине тоже специально. Вы все так делаете, провоцируете, а потом ноете, что не хотели. Хотели, еще как хотели. — Его жаркий шепот прямо в лицо напугал. Еще больший страх я испытала, когда руки мужчины бесцеремонно проникли под юбку и начали жадно шарить в районе живота, все выше задирая подол платья.

— Что вы делаете? — Происходящее настолько не укладывалось в голове, что я в первый момент растерялась.

— Ну что тут такого. Доставим друг другу немного удовольствия. Ты вроде ничего, а я тебе нравлюсь, я всем нравлюсь... — Это был голос одержимого, маньяка.

Первый шок прошел, и я начала отчаянно сопротивляться. Осознание, что меня сейчас банально изнасилуют, придало сил. Заорала, но Лихославский тут же приложил меня затылком о стену так, что едва не потеряла сознание, а потом заткнул рот одной рукой. Этот ненормальный же, не теряя времени даром, стаскивал с меня колготки. Его штаны уже были приспущены, и оттопыренный член подрагивал в возбуждении.

В этот момент я ненавидела все и вся: идею сменить прическу, короткое платье, эту двуличную аспирантскую заразу. Тяжесть его тела и ощущение, что сейчас он овладеет мной, были невыносимы.

Кто-то дернул дверь с той стороны, проверяя: открыто ли? На мгновение Лихославский отвлекся и я, толкнув его, рванула из простенка. Не успела. Он нагнал буквально через пару шагов. Яростное сопротивление, звон разбивающегося стекла и полет.

Все было как в замедленной киносъемке. Я, летящая спиной вниз, и падающие сверху в лицо осколки. Все медленнее и медленнее. Стекло застывало, вязло в воздухе, как в смоле, и мое тело вместе с ним. На уровне подоконника второго этажа, когда до земли осталось совсем чуть-чуть, я и вовсе зависла в воздухе, не в состоянии пошевелиться. Только скосила глаза сначала в одну, потом в другую сторону. Сюрреалистичность происходящего пугала даже больше, чем то, что я сейчас разобьюсь. Потому как падение с четвертого этажа и его итог — хотя бы подчиняется законам физики и, что уж говорить, неприятно до летальности, но типично, а вот то, что происходило сейчас...

Здоровенного таракана (с ладонь, не меньше, не иначе родственник мадагаскарских), прыгнувшего мне на грудь, в этой ситуации я уже восприняла спокойнее, а вот то, что он говорящий, — нет. Захотелось банально заорать, но не могла — губы не слушались.

Меж тем усатый родственник пруссаков изрек:

— Жить хочешь? — и, привстав на заднюю пару лапок, словно сурикат, потер перед собой передними.

Возможность говорить вернулась. Орать, кстати, тоже, чем я незамедлительно воспользовалась.